

Л. П. Потанов

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В СССР ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным этапом в развитии русской этнографии, зародившейся у нас в XVIII в. Этнографическое изучение народов СССР началось с первых же лет Советской власти в связи с практическими потребностями Советского государства. X съезд ВКП(б), руководимый В. И. Лениным, разработал и принял практическую программу социалистического строительства у советских народов уже на раннем этапе истории нашего государства. Уничтожив национальный гнет, необходимо было ликвидировать экономическую, политическую и культурную отсталость многих угнетенных ранее народов, различных по языку и происхождению, историческому прошлому, экономическому положению, уровню культурного развития и особенностям быта. В числе таких народов в решении X съезда ВКП(б) были названы и различные тюркские народности, общая численность которых определялась тогда около 30 млн. Чтобы помочь им продвинуться по пути социального, экономического и культурного прогресса, требовалось знание не только их современного состояния, но и их исторического прошлого, этнографических особенностей культуры и быта и т. д. Эти знания должны были практически вооружать советских и партийных работников. Упомянутый съезд подчеркнул, что строительство нового общества, советской государственности должно осуществляться при помощи людей, «знающих быт и психологию местного населения». Естественно, что этнографы оказались одними из первых представителей советской исторической науки, посвятивших свою деятельность практическому служению социализму. В стране стали быстро возникать и развиваться этнографические центры, которые включали в сферу исследований и тюркские народы. Выдающуюся роль в этом отношении играл Ленинград, где научная работа была организована в большом масштабе и было создано высшее этнографическое образование, в основном в рамках ЛГУ. Этнографические исследовательские

центры находились при Академии наук (Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран — КИПС и Музей антропологии и этнографии), Ленинградском университете, Географическом обществе и Этнографическом отделе Русского музея. Крупный этнографический центр оформился при Московском университете. Вскоре такие центры появились в Ташкенте, Баку, Тбилиси, Киеве, Минске, Иркутске и других городах страны (в основном при отделениях Географического общества). КИПС выполнил большую плодотворную работу по этнографическому изучению страны, в том числе и тюркских народов. В этом учреждении выдающуюся роль играли акад. С. Ф. Ольденбург и акад. В. В. Бартольд. С именем С. Ф. Ольденбурга связано и создание в 1926 г. журнала «Этнография». Он был его первым редактором.

Придавая большое государственное значение этнографическим исследованиям, Советское правительство поддерживало организацию и проведение этнографических работ. Это позволило широко развить экспедиционную и издательскую деятельность, положительные результаты которой стали сказываться уже в середине 20-х годов. В данной связи нельзя не отметить вклад в организационную и научную работу по изучению тюркских народов одного из старейших ленинградских этнографов проф. С. И. Руденко, издавшего в 1925 г. этнографическую монографию о башкирах, а несколько позже — работу о казахах¹. В эти же годы при участии С. И. Руденко вышел в свет ряд томов серийного издания «Материалы по этнографии», в которых появились публикации, посвященные и некоторым тюркским народностям. Ценные монографии и исследовательские статьи, посвященные тюркским народностям Сибири, публиковались в это время в сборниках Музея антропологии и этнографии (т. V—IX, 1918—1930). В последующие годы, в условиях углубленного этнографического изучения народов СССР, исследование тюркских народностей приобрело широкий характер и практически распространилось почти на все группы тюркоязычного населения.

Заметное расширение научной этнографической работы произошло в результате возникновения и развития национальных научных центров в союзных и автономных республиках и областях СССР. Назовем лишь некоторые из них, где ведется этнографическая работа по изучению тюркоязычного населения. Это Академии наук Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Азербайджанской ССР; филиалы АН СССР в Казани

¹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925; его же, Очерк быта северо-восточных казахов, — «Казахи. Сборник статей антропологического отряда Казахской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 г.», Л., 1930.

и Дагестане; научно-исследовательские институты языка, литературы и истории в Каракалпакской, Якутской, Тувинской, Чувашской, Татарской, Кабардино-Балкарской АССР, в Горно-Алтайской, Хакасской и Карачаево-Черкесской автономных областях. Кроме того, такую работу ведут многие музеи перечисленных республик и областей, а кое-где — отделения Географического общества и высшие учебные заведения.

Показателем размаха этнографических работ может служить общеизвестный факт, что в многотомном фундаментальном издании Института этнографии под названием «Народы мира. Этнографические очерки» имеются обобщающие очерки по этнографии всех тюркских народов СССР, как правило, освещающие не только историческое прошлое, этнографические особенности дореволюционного периода, но и современные характерные черты культуры и быта этих народов. Многолетняя подготовка упомянутого серийного издания в свою очередь стимулировала этнографическое изучение многих народов, в том числе и тюркских. Общее количество посвященных тюркским народностям этнографических работ, выполненных за истекшие 50 лет существования Советского государства, подсчитать трудно. Многие десятки книг и тысячи статей, огромное количество еще не обработанных полевых материалов, не изданных, но подготовленных к печати рукописей, имеющихся в каждом учреждении, где ведется этнографическая работа, обширные и многочисленные этнографические коллекции могут дать лишь общее представление о достигнутых результатах, обобщить и оценить которые можно только коллективными усилиями.

Такое обилие этнографических работ объясняется не только тем, что в нашей стране проживает примерно 25 тюркских народностей (не считая многих групп внутри их), но главным образом потому, что этнографическая тематика охватывает многие области народной жизни. Разумеется, невозможно в одном докладе сделать обзор итогов этнографического изучения за истекшие полвека ни по всем тюркским народностям, ни тем более по всему кругу этнографической тематики. Поэтому я остановлюсь на характеристике этнографического изучения тюркских народов СССР лишь по нескольким крупным проблемам: 1) общественный строй, 2) история отдельных тюркских народов, 3) этногенез, 4) современная культура и быт, что, как мне кажется, может дать представление о больших достижениях в этой области советских этнографов, преимущественно тюркологов, и их ценном вкладе в дело изучения этнографии тюркских народов вообще.

Проблема изучения дореволюционного общественного строя народов СССР была тесно связана прежде всего с общими государственными задачами построения социалистического об-

щества у отсталых в прошлом племен и народностей. Такие исследования имели большое практическое значение, так как помогали руководящим партийным и советским органам правильно ориентироваться в конкретной исторической обстановке применительно к той или иной народности или группе народов. Разумеется, чтобы полнее понять и оценить значение исследовательской работы по изучению общественного строя тюркских народов в то время, требуются конкретные исторические примеры, на одном из которых я остановлюсь.

Вспомним, как обстояло дело в этом отношении, скажем, у киргизов, казахов и алтайцев, население которых, вместе взятое, исчислялось несколькими миллионами человек. Они вели в основном скотоводческое кочевое хозяйство на огромной территории. Относительно этих народов распространялась теория, что до Октябрьской революции они жили родовым строем, внутри которого не было ни классов, ни эксплуатации. Эксплуатация и угнетение трудящихся-скотоводов признавались только со стороны русских эксплуататорских элементов. Теория о родовом строе у этих народов опиралась главным образом на дореволюционную этнографическую литературу, в которой вопросы общественного строя хотя и не исследовались, но декларировались именно в этом плане. Для такого заключения считалось вполне достаточным, чтобы у описываемого народа было обнаружено родо-племенное деление. Подобная точка зрения высказывалась не только в старых дореволюционных работах, появлялись и некоторые новые, в которых также развивалась теория родового строя. Взгляды, опирающиеся на представления о родовом строе и отрицавшие классовое расслоение казахского, киргизского аула или алтайского аила, в свое время получили суровую научно-политическую оценку. Целесообразнее поэтому остановиться на некоторых положительных итогах марксистского изучения общественного строя у этих народов. Прежде всего нужно сказать о том, что полевые этнографические исследования у упомянутых тюркских народов выявили и дали возможность изучить и описать основные средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, определить формы собственности на них, их распределение по социальным группам. На этой основе удалось вскрыть и описать классовое расслоение киргизов, алтайцев и казахов, базировавшееся на давнем и далеко зашедшем социально-экономическом неравенстве. Этнографы конкретно охарактеризовали общественные классы у этих тюркоязычных кочевников, социальные прослойки внутри классов, изучили, а местами впервые обнаружили и собрали социальную терминологию, отражающую классовое расслоение, различные категории работников и эксплуататоров в скотоводческом кочевом хозяйстве. Этногра-

фы изучили и описали многочисленные и весьма своеобразные формы эксплуатации, нередко выдаваемые за родовую помощь, как, например, раздача скота в доение и на выпас (*саун* — у казахов, *саан* — у киргизов и *польши* — у алтайцев) и т. д. Более того, этнографы обратили внимание и на то обстоятельство, что классовое расслоение у изучавшихся тюркоязычных кочевников наложило глубокий отпечаток не только на общественный, но и на домашний быт, нашло отражение в верованиях, в фольклоре. Все это позволило не только доказать наличие классового общества у кочевников-скотоводов, но и определить характер их социально-экономических отношений как ранних форм феодальных отношений, осложненных пережитками патриархально-родовых отношений.

В 1930 г. появляется работа, в которой сочетание экономического и этнографического материала раскрыло реальную, полную своеобразия картину народного хозяйства и быта кочевников в условиях классового феодального строя². С конца 1932 г. появляется ряд работ, принадлежащих перу этнографов, исследовавших общественный строй у народов Алтая и установивших здесь наличие феодальных отношений³. В 1935 г. появились первые работы, доказывающие существование феодализма у казахов⁴. Несмотря на то что в некоторых из них содержались крупные теоретические ошибки (вроде утверждения об особом виде феодализма у казахов, настолько отличном от феодализма вообще, что предлагалось объявить его особой формацией), все же теоретическое и практическое значение этих первых работ было, конечно, велико.

Касаясь теоретического аспекта работ этнографов по изучению общественного строя тюркских народов, основу хозяйства у которых составляло кочевое скотоводство, нельзя не отметить, что некоторые из этих работ предшествовали известной книге одного из крупнейших советских монголистов, акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», изданной в Ленинграде в 1934 г., в которой выдвигалось и обосновывалось понятие «кочевой феодализм».

Таким образом, в первой половине 30-х годов уже был накоплен столь значительный материал по этой проблеме, что была предпринята попытка наметить происхождение феодализ-

² П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930.

³ Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки Ойротии, Л., 1936; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.

⁴ А. П. Чулошников, К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., — ИАН СССР, 1936, № 1.

ма у кочевников⁵. В дальнейшем изучение общественного строя проводилось почти у всех тюркских народов СССР. Назову, например, в этом плане работы по якутам, тувинцам, каракалпакам туркменам, киргизам, казахам, башкирам, кумыкам и др.⁶. Определенный вклад в теоретическую разработку проблемы общественного строя у тюркских народов СССР внесли этнографы открытием, описанием и научным анализом кочевой (аульной) общины, выявлением ее различных конкретных форм, а также более мелких семейно-родственных объединений⁷. Изучение этого интересного вопроса, весьма важного для понимания генезиса и ранних форм феодальных отношений у кочевников, продолжается и в настоящее время и далеко еще от завершения, позволяющего обобщить теоретически весь накопленный материал.

Обращаясь к теоретическому аспекту проблемы, нужно отметить, что, изучая ее на материале тюркских народов (по хозяйственному профилю — скотоводов-кочевников), советские этнографы и историки внесли ценный вклад не только в советскую историческую науку, но и в мировую этнографию, в мировую историческую науку. Повышенный интерес к кочевникам земного шара отражают в настоящее время некоторые научные органы международной организации ЮНЕСКО и МОТ. Советская историческая наука, в том числе и советская этнография, открыла новые специфические формы феодального устройства

⁵ С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. — «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934.

⁶ С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы, М., 1956; М. П. Вяткин, Батыр Срым, М.—Л., 1947; Л. П. Потапов, Очерки истории Ойротии; его же, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948; его же, Очерки по истории Шории, Л., 1936; его же, Краткие очерки по истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952; А. Е. Еренов, Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов, Алма-Ата, 1960; С. З. Зиманов, Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата, 1958; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950 (ТИЭ, новая серия, т. 9); В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., Черкассы, 1960.

⁷ С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, — сб. «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования» (ТИЭ, новая серия, т. 14), М.—Л., 1951; О. А. Сухарева, Быт жилого квартала города Бухары (в конце XIX—начале XX века), — КСИЭ, 1958, вып. 28; ее же, Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане, — КСИЭ, 1958, вып. 30 и др.; К. Шаниязов, Общинное землепользование в сел. Каллык, — КСИЭ, 1960, вып. 34; С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, — «Исторические записки», 1945, вып. 14; Л. П. Потапов, Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хомчика, — «Труды Тувинск. компл. археолого-этнографической экспедиции», М.—Л., 1966, т. II, стр. 17—28, «Аульная община».

общества у кочевников, не известные ранее закономерности развития кочевого общества, определила весьма своеобразную модель такого общества. Все это сделано в значительной мере при помощи этнографов-тюркологов, благодаря всестороннему изучению и широкому привлечению этнографического материала по тюркским народам СССР.

Я не имею возможности коснуться истории изучения феодализма у кочевников. Скажу только, что термин «кочевой феодализм» был вскоре же отвергнут, но научное значение поднятого вопроса привлекало внимание советской исторической науки. В 1954 г. в Ташкенте была организована научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана, проводившаяся Академией наук СССР совместно с Академиями наук Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казахской Союзных Социалистических Республик. Одной из главных проблем, вынесенных на обсуждение сессии, оказалась проблема феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, т. е. практически у тюркских народов. Активное участие в обсуждении этой проблемы приняли советские этнографы-тюркологи. Они активно участвовали также и в научной дискуссии на эту тему, проведенной журналом «Вопросы истории» в 1954—1955 гг. Оба мероприятия весьма способствовали уточнению и единству взглядов абсолютного большинства советских историков и этнографов по излагаемой проблеме. Эти взгляды стали достоянием мировой науки, как через публикации, так и благодаря выступлениям наших тюркологов-этнографов на международных съездах этнографов и востоковедов.

Уже упоминалось, что к изучению кочевников вообще проявляют интерес ЮНЕСКО и МОТ. В изданиях ЮНЕСКО появились статьи советских историков и этнографов, касающиеся общественного строя у тюркских народов СССР⁸. Постоянная Международная Алтайстическая конференция, ежегодно устраивающая свои собрания в разных странах, в 1967 г. провела свое десятое собрание в Манчестере, посвятив его проблеме «Феодализм в алтайском мире». Факт весьма примечательный. На собрании, которое состоялось 23—26 июня 1967 г. обсуждалась проблема, поставленная и разработанная советскими тюркологами — этнографами и историками.

Однако у многих зарубежных ученых, как и следовало ожидать, положения, сформулированные в советской этнографии, встретили отрицательное отношение уже потому, что упомянутые достижения явились следствием применения марксист-

⁸ См., например, работу Л. П. Потапова и А. Турсунбаева «Quelques aspects du développement socio-économique et culturel des nomades en URSS», — «Revue internationale des sciences», t. XI, Paris, 1959, № 4.

ского исторического метода к изучению преимущественно тюркских народов СССР.

Выше отмечалось практическое значение изучения этнографии тюркских народов по проблеме общественного строя для социалистического строительства у этих народов. Необходимо подчеркнуть также, что изучение общественного строя дало возможность разрабатывать историю той или иной тюркской народности, взятой в отдельности. Проблема научного воссоздания истории отсталых в прошлом народов, не имевших своей письменности или младописьменных, также представляет интерес, далеко выходящий за рамки истории народов Советского Союза. Общеизвестно, что в зарубежной, точнее в буржуазной, науке давно и широко распространено мнение, что воссоздать историю таких народов невозможно, что народы эти по существу не имели истории и относятся к так называемым неисторическим народам, к народам неполноценным и безнадежно отсталым, неспособным создавать ценности, имеющие значение для современной цивилизации и т. д. Подобного рода теория вполне может быть определена как один из вариантов расистских взглядов. Хотя, разумеется, есть и такие ученые, которые никакого отношения к расизму не имеют, а придерживаются подобных взглядов потому, что не верят в возможность воссоздания истории бесписьменных народов из-за отсутствия источников, в частности письменных, которые принадлежали бы непосредственно изучаемым народам.

Советские историки, больше всех именно этнографы, решили эту научную проблему практически. Они достигли успеха благодаря применению в исследовании марксистского исторического метода и привлечению комплекса источников, среди которых большой и разнообразный этнографический материал органически сочетается с археологическими памятниками, антропологическими (в том числе и палеоантропологическими) материалами, с данными языка, фольклора. Конечно, непременно используются и всякого рода письменные источники, содержащие упоминания об изучаемых племенах и народах. Результаты вполне оправдали такой подход к изучению истории рассматриваемой категории тюркских (да и не только тюркских) народов.

Почти все тюркские народы СССР (якуты, алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы, каракалпаки, киргизы, казахи, туркмены, узбеки, кумыки, карачаевцы, балкары, татары, башкиры, чувашаи) получили научно разработанную историю в виде специальных монографий или очерков⁹. Некоторые из перечисленных книг

⁹ См., например: «История Якутии», т. I (Под ред. А. П. Окладникова), Якутск, 1949; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Очерки истории Шории, Л., 1936; его же, Краткие очерки по

по истории созданы преимущественно усилиями этнографов (как, например, по истории тюркских народов Сибири); в других, особенно коллективных, трудах этнографам принадлежит значительная роль (работы по истории тюркских народов Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа). Естественно, что в истории каждого изучавшегося тюркского народа проблема его общественного строя занимает одно из первых мест.

Характерной чертой книг, посвященных истории тюркских народов СССР, в прошлом бесписьменных и младописьменных, нужно признать их большой хронологический диапазон. Почти каждая монография рассматривает историю народа с древнейших времен, широко опираясь на археологические, палеоантропологические конкретные материалы и древние письменные свидетельства, и доводит ее до современности. Поэтому в некоторых случаях этнографам-тюркологам приходилось проделать большую работу по научной периодизации. Показательны в этом отношении книги по истории тюркских народов Сибири, в которых на основе общей исторической периодизации по социально-экономическим эпохам дана дополнительная периодизация в рамках данных эпох, связанная с политической историей восточной части Центральной Азии начиная с гунского периода. Достижением является и определение археологических культур в хронологическом отношении с последующим отнесением их к различным социально-экономическим эпохам.

Есть еще одна особенность у книг по истории тюркских народов СССР, написанных этнографами или при участии этнографов. В них дана характеристика народной культуры и быта различных исторических эпох, что весьма обогащает содержание таких работ и создает представление о конкретном вкладе того или иного народа в общую культуру.

Работа по созданию истории тюркских народов СССР, выполненная за 50 лет Советской власти, имеет весьма актуальное значение. Великая Октябрьская революция пробудила национальное сознание всех освободившихся от гнета народов царской России, что вызвало у них повышенный интерес к сво-

истории и этнографии хакасов XVII—XIX вв., Абакан, 1952; «История Тувы», т. 1, М., 1964; «История Казахской ССР», т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959; «История Киргизии», т. I—II, Фрунзе, 1963; А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1956; «История Туркменской ССР», т. I—II, Ашхабад, 1957; «История Узбекской ССР», т. I—II, Ташкент, 1955—1957; Т. Х. Кумыков, История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, Нальчик, 1958; Р. Г. Кузеев, Очерки истории и этнографии башкир, Уфа, 1957; «История Татарской АССР», т. 1, Казань, 1955; «История Азербайджана», т. 1, Баку, 1958; «История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до Великой Октябрьской революции», т. 1, М., 1967; А. Чулошников, Очерки по истории казах-киргизского народа, Оренбург, 1924, и др.

ему историческому прошлому. Советские тюркологи, в частности этнографы, выполняют в этом отношении свой долг перед народом. Отрадно отметить, что в большой творческой работе по созданию истории тюркских народов все чаще принимают участие этнографы и историки, археологи и антропологи, вышедшие из среды самих тюркских народов, тех народов, которые еще недавно были только объектом изучения. Развитие местных национальных научных центров у тюркских народов СССР весьма положительно повлияло на итоги изучения многих проблем, о которых говорится в настоящем докладе.

Наконец, характеризуя работу этнографов по проблеме истории тюркских народов СССР, нельзя не отметить, что некоторые итоги их исследований были использованы высшими советскими законодательными органами. В 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР переименовал бывшую Ойротскую автономную область в Горно-Алтайскую. Это было сделано на основании ходатайства местных советских и партийных организаций, опиравшихся на результаты изучения истории и этнографии народов Горного Алтая.

Весьма сложной научной проблемой, над которой работали советские тюркологи-этнографы в течение полувекового периода существования Советского государства, является и проблема этногенеза. Если две первые проблемы, о которых я говорил, не только не изучались в дореволюционное время, но, можно сказать, и не ставились, то проблеме этногенеза, если говорить о тюркских народах СССР, уделялось внимание и в дореволюционной русской тюркологии. Можно назвать, например, обобщенную работу Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (СПб., 1897), научное значение которой в отношении ряда идей и гипотез сохранилось до нашего времени. Однако такие работы до революции были редким исключением. Как ни много сделал акад. В. В. Радлов для изучения народов Южной Сибири, но именно ему принадлежит пессимистическое заявление: «...едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»¹⁰. Учитывая уровень развития науки того времени, следует признать, что основания для подобного заявления у В. В. Радлова имелись. Изучение этногенеза того или иного тюркского народа было тогда предметом только индивидуального интереса отдельных ученых. По-иному обстоит дело в наше время.

Проблема этногенеза вызывает острый интерес среди каждого народа, особенно вступившего на путь самостоятельного

¹⁰ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, Leipzig, 1884, стр. 143.

свободного развития и не имевшего ранее своей научно разработанной истории. Эта проблема находится в центре внимания советских тюркологов Ленинграда, Москвы и на местах. Может быть, этим и можно объяснить то отрадное обстоятельство, что каждому тюркскому народу СССР посвящены специальные исследования по этногенезу и этнической истории.

Совокупность разнообразных источников (этнографических, археологических, антропологических, письменных и др., взаимно дополняющих и контролирующих друг друга) дает возможность не только выяснить этнический состав, но порой установить этапы этнической истории народа. При исследовании проблемы этногенеза еще больший простор открывается для использования этнографического материала, в частности такого, как этнонимы и эпонимы, экзогамность родо-племенных делений и некоторые виды религиозных верований, атрибуты шаманского культа (костюм, бубен), имеющие весьма устойчивую и характерную семантику. Едва ли нужно говорить о том, что результаты этногенетических исследований весьма необходимы для соответствующих разделов истории тюркских народов, хотя нельзя отрицать и их самостоятельного значения. За рассматриваемый период времени опубликованы исследования по этнической истории почти всех тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, татар, чувашей и башкир. Рассмотрены эти вопросы и для тюркских народов Северного Кавказа¹¹.

Мне кажется, что столь широкое изучение этногенеза и этнической истории тюркских народов по отдельным районам позволит в ближайшем будущем разработать эту проблему в отношении ряда народов обобщенно (например, для Сибири).

Мы можем констатировать в связи со сказанным еще одно положительное явление. Исследование этногенеза и этнической истории тюркских народов в советское время, к примеру, в той же Сибири дает возможность не только создать новые, но уточнить и более глубоко обосновать некоторые старые представле-

¹¹ Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; его же, Очерк этногенеза южных алтайцев. — СЭ, 1952, № 3; его же, Этноним теле и алтайцы. — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966; А. П. Окладников, Происхождение якутского народа. М.—Л., 1951; С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев. — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», 1957, вып. V; Г. Е. Марков, Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961; А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; А. Н. Бернштам, Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», Фрунзе, 1959, т. 3; С. М. Абрамзон, Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. — там же; Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкары — древние народы Кавказа. Черкесск, 1953; «О происхождении чувашского народа (сборник статей)», Чебоксары, 1957.

ния, выдвинутые учеными дореволюционного периода. Я хотел бы проиллюстрировать это на материале, более мне известном. Напомню, что акад. В. В. Радлов выдвинул гипотезу о том, что северные алтайцы — это тюркизированные по языку южные самоеды и енисейцы (кеты). Это безоговорочно принял и повторил Н. А. Аристов. Однако теперь можно считать доказанным, что сложные по своему этническому происхождению северные алтайцы (тубалары, кумандинцы, челканцы-лебединцы) включили в себя большой этнический пласт тюркских скотоводов-кочевников, связанных своим происхождением с древнетюркскими племенами *теле* и западными *тюкю*.

Мне остается коснуться еще одной новой для науки проблемы, над изучением которой плодотворно трудились и продолжают трудиться советские этнографы-тюркологи. Я хочу сказать об изучении современной культуры и быта тюркских народов СССР. Научное и практическое значение этого вопроса для советского общества и даже для зарубежного читателя не нуждается в разъяснении. Подобные исследования не только отражают изменение социальной структуры многих тюркских народов (формирование и рост национального колхозного крестьянства и рабочего класса, национальной интеллигенции), но и характеризуют особенности культуры и быта этих новых социальных слоев народа. Этнографические исследования раскрывают пути формирования социалистической культуры тюркских народов и ее взаимоотношения со старыми культурно-бытовыми традициями. Появились и монографические работы, отражающие итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства у тюркских народов СССР¹². Названные и многие не названные работы дают картину современной культуры и быта крестьянства тюркских народов Средней Азии и Казахстана (как кочевников-скотоводов в прошлом, так и земледельцев). Достигнуты успехи также и в области изучения быта рабочих. Работы по киргизам, туркменам, казахам, узбекам положили начало исследованию этой весьма актуальной и новой темы¹³.

¹² С. М. Абрамзон и другие, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, М., 1958 (ТИЭ, новая серия, т. 37); Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, — ТИЭ, новая серия, 1954, т. 21; Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, — СЭ, 1949, № 2; У. Х. Шалекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем, — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», М., 1958, т. 3; М. А. Бикжанова и О. А. Сухарева, Прошлое и настоящее селений Айкыран, Ташкент, 1955; «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967 и др.

¹³ С. М. Абрамзон, Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих), — СЭ, 1954, № 4; К. Мамбеталиева, Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, Фрунзе, 1963; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961; А. С. Мороз

интерес к которой проявляют и ученые некоторых социалистических стран.

Значительное число монографий посвящено изучению отдельных этнографических тем¹⁴. Для них характерно широкое использование кроме полевых материалов также и музейных этнографических коллекций, хранящихся в центральных и местных музеях.

Широкое этнографическое изучение тюркских народов СССР на подлинно научной базе развилось именно в советский период истории нашей науки. Этим изучением, несмотря на некоторую неравномерность, у нас охвачены почти все тюркские народы. Своими исследованиями этнографы-тюркологи внесли значительный вклад в советскую историческую науку. Их научные труды и методологический опыт имеют положительное значение и для развития международной этнографической науки.

зова, Опыт изучения рабочего класса Казахстана, — СЭ, 1962, № 6; К. Л. Задыхина, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, — ТИЭ, новая серия, 1959, т. 47; Ф. Арипов, Изучение быта и культуры рабочих-узбеков, — СЭ, 1960, № 5.

¹⁴ Б. Кармышева, Узбеки-докайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964; Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953; С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тодзинцы, М., 1961.